

• Глава 6 •

МАГИЧЕСКИЕ ЖИВОТНЫЕ И ПОГРАНИЧНЫЕ СУЩЕСТВА

«О, Орел из Гверн-Абуи, мы, посланцы Артура, пришли к тебе спросить, слышал ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрон, которого забрали у матери на третий день после рождения?» Орел ответил: «Давно я прилетел сюда; и когда это случилось, здесь лежал большой камень, о который я каждый вечер точил когти».

Килхух и Олвен

Основой кельтской мифологии было ощущение, что духи скрываются в каждом уголке ландшафта. Отношения между людьми и воспринимаемым ими духовным миром могли быть непростыми, полными риска и нестабильности. Границы между двумя мирами иногда сдвигались и становились проницаемыми, что открывало пути для взаимного проникновения. основополагающий принцип постоянного присутствия оборотней и магических животных, судя по всему, гласил: материальный мир, населенный людьми, по природе своей нестабилен. Он больше похож на зоны землетрясений на подвижных тектонических плитах. Способность божеств вмешиваться в человеческую жизнь была первостепенной темой кельтских мифов.

Хотя такие мотивы никогда прямо не назывались, в легендах можно найти признаки шаманского статуса целого ряда людей, которые обладали способностью перемещаться между мирами. Одним из главных способов осуществить это зачастую было умение принимать форму животных. «Нормальный» порядок вещей мог быть буквально опрокинут: животные и люди обменивались физическими формами, боги являлись людям в виде обычных людей, зверей или чудовищ, а богини чередовали облик юной девы, зрелой матроны и старухи.

Нарушители правил могли быть превращены в животных в качестве наказания, а звери иногда наделялись человеческими навыками и способностями, такими как речь, а иногда и пророческим даром. Некоторые животные — особенно собаки, лошади и крупный рогатый скот — без сомнения, являлись посланниками из потустороннего мира. Это можно понять по их внешности: они были ослепительно белыми, красными или белыми с красными ушами. Средневековый сказитель упоминал цвет животных, чтобы донести до слушателей информацию о магии и чарах. Те же, кто слушал сказания, были знакомы с такой символикой и воспринимали ее значение как нечто само собой разумеющееся.

• ПРОКЛЯТИЕ МАТА •

И он поднял волшебный жезл и ударил им Гилвэтли, и тот превратился в оленуху. Он ударил и Гвидиона, который хотел убежать, и тот стал оленем. «В наказание я велю вам жить вместе, как диким зверям, облик которых вы приняли. И у вас будет то же потомство, что и у них. Через год в этот же день вы придете ко мне».

Мабиноги. Четвертая ветвь

В ирландских мифах изменение формы между человеческой и животной часто было совершенно добровольным. Например, богини сражений — Морриган и Бадб — по желанию превращались из женщин в ворон и обратно. В мифологической традиции валлийцев, однако, изменение облика зачастую являлось наказанием за проступки. Так случилось с племянниками короля Мата Гвинедского. Когда Гвидион и Гилвэтли составили заговор с целью овладеть Гойвин, девственницей, державшей ноги короля на коленях (см. с. 98–99), они нанесли

удар по самым основаниям власти Мата. Поэтому неудивительно, что он быстро и жестоко отомстил братьям, лишив их человеческого облика и даже пола.

Он превратил племянников в три разные пары диких животных попеременно: год за годом в течение трех лет они меняли облик. На первый год Гилвэтиви стал оленихой, а его брат — самцом оленя, и в конце года они появились при дворе Мата со своим олененком. В следующем году их пол поменялся: Гвидион стал дикой свиньей, а Гилвэтиви — диким кабаном, и в конце года пара предстала перед королем со своим поросянком. В следующем году виновные братья превратились в пару волков и произвели на свет волчонка.

В конце третьего года Мат снял чары, но их потомство, хотя и обрело человеческий облик, сохранило способность к оборотничеству. Дети были крещены и названы в честь животных: Гитун (олень), Гихтун (свинья) и Блейтун (волк). Их магическая природа выразилась также в слишком быстром росте и взрослении. Как и герои Кухулин и Придери, все трое в детстве развивались так стремительно, что не соответствовали обычному человеческому возрасту. Таково было последствие колдовства Мата.

• МУДРОСТЬ ЛОСОСЯ •

Трижды пытался Кухулин вступить на мост и перейти его, но воистину никак не мог этого сделать. Тогда искажился Кухулин, подошел к мосту и, совершив прыжок лосося, вскочил прямо на его середину.

Сватовство к Эмер

Параллели между валлийскими и ирландскими мифологическими традициями нигде не являются более очевидными,

чем в общей истории о волшебном лососе, который обладал дарами знания, мудрости и пророчества, намного превосходящими любые человеческие возможности. Не сразу понятно, почему это существо вплеталось в богатый гобелен легенд о людях, животных и связях с духами. Но можно предположить, что наблюдение за жизненным циклом лосося, его путешествиями на большие расстояния, требующими значительных физических усилий, умением существовать как в пресной, так и в соленой воде, его безошибочным инстинктом возвращения в домашние воды для размножения и его способностью подниматься до водопадов — едва ли не взлетать к ним — привело к убеждению, что лосось обладает сверхъестественными качествами и невероятным умом.

Миф о мудром лососе сохранился в цикле фениев, главным героем которого был Финн (название «фении» происходит от его имени). Сказание о лососе полно шаманизма, поскольку юноша Финн обретает таланты с помощью барда Финнегаса (обратите внимание на общую основу их имен), который жил на берегу реки Бойн — зачарованного водного пространства, олицетворения богини Боанн и ворот в мир духов. В момент встречи Финна и Финнегаса последний ловил знаменитого Лосося мудрости в заводи: он тщетно занимался этим в течение семи лет. Лосось, в свою очередь, приобрел необычайные свойства, поедая орехи, выросшие на девяти волшебных деревьях, плодоносящих на морском дне.

Когда Финн подошел к Финнегасу, тот как раз поймал рыбу и передал ее юноше с указанием приготовить ее на огне. В процессе готовки молодой герой случайно дотронулся до жгучей горячей мякоти рыбы большим пальцем и инстинктивно положил палец в рот, чтобы облегчить боль. Мгновенно он был наделен всей мудростью и знаниями, которыми обладал лосось, и стал великим провидцем. Этот жест Финна породил ирландскую поговорку о «большом пальце провидца» и веру в то, что

большой палец может обладать особой духовной силой. История перекликается с валлийским преданием «Котел Керидвен» (см. с. 32), в котором юный слуга Гвион, помешивая магическое варево в котле, случайно обрел знания из-за того, что часть вещества попала ему на руку: на самом деле Керидвен готовила волшебное яство для своего злополучного сына Авагту.

Рис. 42. Гранитная скульптура железного века из Ланньюнока (Бретань, Франция) с чрезмерно крупными поднятыми большими пальцами

Большой палец пророка

Обожженный большой палец молодого Финна непреднамеренно принес ему все знания Лосося мудрости. Так называемый «большой палец провидца» стал частью кельтской традиции, которая предшествовала раннесредневековым собраниям сказаний и легенд, поскольку к концу железного века в Галлии существовали изображения божеств с очень крупными, акцентированными поднятыми большими пальцами. Некоторые из конных богинь на бретонских монетах включают образы женщин-колесничих (возможно, ранних предшественниц Медб, см. с. 160–161), держащих поводья указывающими вверх гигантскими большими пальцами. Гранитная статуя из Ланньюнока, также в Бретани, изображает безголовое туловище, практически лишенное деталей, за исключением пары очень крупных кистей рук с выступающими поднятыми большими пальцами. У одного из найденных в болоте тел позднего железного века (из Линдоу-Мосс в Чешире) был дополнительный большой палец. Может ли быть, что его воспринимали как провидца?

Валлийский вариант рассказа о Лососе мудрости содержится в предании «Килхух и Олвен». В стремлении найти божественного охотника Мабона, сына Модрон (их имена означают «Молодой сын» и «Мать»), чтобы заручиться его помощью в поисках Олвен, Килхух советовался с чередой заколдованных зверей, способных общаться с людьми, а также с одним из людей Артура, человеком по имени Гурир («Переводчик языков»). Среди говорящих животных в этом предании упоминался Лосось Ллин Ллив, одно из древнейших (и, следовательно, самых мудрых) существ на земле. Гурир узнал о существовании Лосося от другого говорящего дикого создания, Орла Гверн-Абуи, который пытался поймать магическую рыбу, но вместо этого был утянут ею глубоко под воду. Затем птица и рыба помирились, и Орел подумал, что Лосось сможет помочь Гуриру и его товарищу найти Мабона. Орел вызвал Лосося, и тот согласился помочь. Он взял двух мужчин

Рис. 43. Бронзовая фигура из римской Британии: бог войны держит в руках рогатых змеев

на свои огромные плечи и отнес их к Мабону, который томился в темнице. В конце концов охотник был освобожден рыцарями Артура и присоединился к Килхуху в поисках Олвен.

• СМЕШАННЫЕ ТЕЛА: АРХЕОЛОГИЯ ОБОРОТНИЧЕСТВА •

*Я приду к тебе в облике серой волчицы, чтобы возглавить
полчища против тебя.*

*Я явлюсь тебе в виде безрогой красной телки и приведу
стадо к твоему водоему, и ты не узнаешь меня.*

Из разговора Кухулина и Морриган.

Похищение Быка из Куальнге

Проницаемость и размывание границ между людьми и животными, столь очевидные в мифологии, находят параллели в иконографии западноевропейского железного века и в искусстве эпохи римского господства. Образы строятся из сочетания несочетаемого: формы быков или кабанов могут задаваться

Рис. 44. Одна из внутренних серебряных пластин Гундеструпского котла (Дания) эпохи железного века с изображением божества с оленьими рогами, которое держит в руках змею с рогами барана

Люди-кошки

*Кайрбре крут и грозен был,
Юг и север захватил,
Уши кошки — краше всех! —
На ушах — кошачий мех.*

Средневековый ирландский поэт Эохайд Уа Флойнн

Эти строки сохранились в тексте XII века. Его центральным персонажем был военачальник по имени Кайрбре Жестокий. Животные черты этого красавца, вероятно, указывали на звериную беспощадность жестокого завоевателя, но конкретный намек на кошек заслуживает особого внимания: это признак хитрости и скрытности. Однако поэт, вероятно, обращался и к древней шаманской традиции, согласно которой мужчины и женщины, проводившие церемонии, надевали костюмы животных, чтобы достичь близости с духами. Найденные в римской Британии глиняные черепки из Каэрлеона (Южный Уэльс) изображают человеческие головы с кошачьими ушами, а другая бородатая каменная голова с заостренными кошачьими ушами была обнаружена в Донкастере (Йоркшир).

Рис. 45. Глиняный антефикс (фигурная черепица на углах кровли) в виде человеческой головы с кошачьими ушами из римского укрепленного лагеря легионеров в Каэрлеоне (Южный Уэльс)

с помощью рогов или иных характерных деталей, появляются лошади с человеческими лицами и змеи с рогами барана. В иконографическом репертуаре часто встречаются полулюди. Самым стойким гибридом можно назвать образ человеко-оленя; наиболее выразительный из них — на Гундеструпском котле, где человек с оленьими рогами сидит в окружении животных, включая оленя с точно такими же рогами, стоящего рядом с человеко-оленем, как будто нам показывают процесс превращения, перехода из одного состояния в другое.

Гендерное смешение также присутствует в фигурах с оленьими рогами, так как на некоторых галльских бронзовых статуэтках изображены женщины с разветвленными рогами на головах. У нас нет точного имени для этого персонажа, однако есть одна подсказка благодаря изображению на резной каменной колонне из Парижа, установленной в 26 году н. э. в честь Юпитера. Среди множества античных и собственных галльских образов этого памятника можно найти бородатую голову с оленьими рогами, с каждого из которых свисает кольцо; над ним читается надпись «Кернунн» (Cernunno — «Рогатому»).

Рис. 46. Каменный рельеф: человеческая голова с оленьими рогами с подвешенными на них кольцами; памятник в честь Юпитера, установленный Союзом лодочников на Сене, Париж, 26 год н. э.

Перемешивание тел зафиксировано и в человеческих останках железного века. Некоторые погребения содержат смешение частей тел человека и животных, как если бы во время прощальной церемонии хотели продемонстрировать зыбкость границ между ними. И эти археологические находки в погребениях, и иконографические свидетельства говорят нам о способе восприятия мира, в котором возможно преодоление порогов и границ, где существование плавно и непрерывно, а люди и животные способны обмениваться формами в обоих направлениях. Вполне возможно, подобные идеи кельтской мифологии

Шаманские люди-птицы в Ирландии

...но тут сбросили птицы оперение и предстали перед Конайре воинами с мечами и копьями. Вступился тогда за него один из птиц-воинов и сказал: «Я Немглан, король птиц твоего отца».
Разрушение дома Да Дерга

В двух мифических сказаниях содержатся мощные образы провидцев-оборотней, которые обретали форму птиц, чтобы их души перелетали между слоями Вселенной; их считали существами с двумя душами. «Осада Друим Дамгайре» представляет хронику соперничества между Кормаком, королем Ульстера, и Мог Руитом, слепым пророком; оба они утверждали, что обладают магическими способностями, превосходящими силы соперника. Чтобы попасть в мир духов и таким образом выиграть состязание, Мог Руит надел плащ из шкуры быка и головной убор из пестрых птичьих перьев. Пестрота имела большое значение, поскольку двойная окраска символизировала двойственный статус Мог Руита как существа, принадлежавшего как к миру людей, так и к миру духов.

Благодаря птичьему облику провидец мог летать и вызывать поддержку духов против магии Кормака. Физическая слепота пророка также является ключом к пониманию его статуса провидца, поскольку многие пророки в древности были лишены обычного зрения, что приводило к обострению их внутренних визионерских сил. Прорицатель Тиресий в древнегреческой

отражают гораздо более раннюю — вероятно, шаманскую — традицию, которая признавала важность животных как проводников между мирами и необходимость для людей принимать облик животных ради общения с духами.

• ГОЛОС ВОРОНА: ИРЛАНДСКИЕ БОЕВЫЕ ВЕДЬМЫ •

Мощная мифологическая традиция в Ульстерском цикле связана с богинями войны. Сами они не принимают участия

мифологии и израильский пророк Ахия в Ветхом Завете были слепы. В некоторых современных шаманистских общинах, например у индийского народа савара, шаманы-провидцы закрывают лица при входе в состояние транса, достигая духовного зрения и способности поддерживать связь с духами.

Человек-птица по имени Немглан был тесно связан с мифическим ирландским правителем Конайре Мором, чья жизнь описана в сказании «Разрушение дома Да Дерга». Его история пронизана намеками на чары, магию и проницаемость границ между мирами людей и духов. Как и герой Ульстера Кухулин, Конайре Мор был связан гейсами: ему запрещалось охотиться на птиц или убивать любую птицу. Этот запрет был наложен отцом во время его зачатия. Перед вступлением на королевский престол Конайре получил указания от Немглана, который наложил на нового короля серию гейсов и усилил запрет на причинение вреда птицам. Однажды Конайре нарушил гейс в отношении птиц, и тогда стая птиц, которых он пытался убить, сбросила все свои перья и напала на него. Во главе этого птичьего войска был Немглан, оборотень, который пытался защитить Конайре от остальных летучих созданий. Как и Мог Руит, Немглан был шаманом, существом с двумя душами, способным пересекать порог между мирами людей, животных и духов.

Рис. 47. Каменный рельеф железного века: человек-птица из долины Камоника (Италия). Шаманская практика ношения крыльев с перьями восходит к периоду свыше 5000 лет назад

в битвах, но вмешиваются в ход событий, вызывая напряженность между противоборствующими силами, провоцируя кровопролитие, и — вероятно, самое зловещее их свойство — в виде воронов клюют трупы павших на поле боя. Эти темные божества были озабочены прежде всего смертью, но также демонстрировали сексуальную ненасытность, пытались соблазнить молодых героев, например Кухулина, как мы уже видели (см. с. 126–128).

Две основные боевые фурии — это Бадб и Морриган. До некоторой степени их личности сливались. У каждой из них была способность к многослойному изменению формы: от молодой девы до старухи, от одной до трех одновременно и от женщины до ворона или вороны. Эти предсказательницы несвоевременной и насильственной смерти могли стирать визуальные границы пола: иногда они представляли не просто в виде старухи, а как древние бородатые ведьмы. И тогда

было затруднительно понять, мужское или женское начало они выражают. Связь между вороном/вороной и мертвыми очевидна: черные птицы-падальщики не делали различия между животными и людьми. Должно быть, эти птицы были частыми и первыми посетителями мест массовых убийств. Их сгорбленные силуэты, клювы, выдирающие куски мертвой плоти воинов, напоминали людям злобных старух. Стирание границы между птицей и ведьмой усиливалось хриплым, но похожим на человеческий голосом ворона, а также способностью птицы имитировать человеческую речь.

Любопытным археологическим явлением позднего железного века на юге Британии является неоднократное ритуальное захоронение костей воронов. Давно известно, что люди, построившие городища в Уэссексе, выкапывали глубокие зерновые ямы для хранения семян в течение зимы, но впоследствии эти ямы

Рис. 48. Каменный рельеф с изображением лесного божества с собакой, палицей и открытой сумой, на плечах у которого сидят вороны, из Му, Бургундия (Франция)

аккуратно очищались и заполнялись останками людей и животных. Их не сбрасывали туда как мусор, а складывали целые тела или фрагменты тел людей и животных в определенном порядке. Животные там были почти исключительно домашние, за исключением воронов; причем процент этих птиц среди других видов в погребениях был гораздо выше, чем в природе.

Такая традиция — размещение воронов в ямах наряду с обычными конями, собаками и овцами — требует объяснения. Возможно, как и в более поздних мифах, эти птицы были символами смерти и войны. Но существует предположение, что останки воронов присутствовали в захоронениях, потому что их перья использовались для украшения ритуальных головных уборов жрецов или шаманов. Переодевание в костюмы животных, в том числе использование рогов и перьев, возможно, играло важную роль в религиозных церемониях.

Если в скандинавском материале изображены «подлинные» полулюди-полуживотные, люди-птицы из долины Камоника (Италия) представляют собой менее двусмысленные изображения: мы видим обычных мужчин и женщин в костюмах птиц. В римской Галлии люди-птицы изображались не как слитные формы человеко-птицы, а только как хранители птиц. Скульптура из Му (Бургундия) представляет образ лесного божества, хранителя леса: у него желуди, посох и нож для подрезки ветвей, его сопровождают гончая и две птицы с солидными клювами, похожие на воронов: они сидят у него на плечах и обращены к его лицу — возможно, что-то говорят ему.

• ТРУДЫ ЛЮБВИ: КИЛХУХ И ОЛВЕН •

Тут юноша залился краской, и внезапно любовь к этой деве проникла во все его члены, хотя он никогда не видел ее. И, заметив это, отец спросил его: «Что с тобой, сын мой?»

Что тебя опечалило?» — «Моя мачеха предсказала мне, что я не женюсь ни на ком, кроме Олвен, дочери Повелителя Великанов». — «Что ж, сын мой, ничего трудного в этом нет, — сказал ему отец. — Ведь в родне у тебя сам Артур. Иди к нему и принеси прядь своих волос ему в дар».

Килхух и Олвен

Другим распространенным животным валлийских сказаний является свинья. Мы уже говорили об ее значении в качестве еды на пирах, а также о том, что галлы считали кабана самым смелым и самым грозным из животных (см. с. 116). Особенно важную символическую роль кабан играет в сказании «Килхух и Олвен». Собственно, имя главного героя означает «Бегущий кабан». Килхух был знатным по рождению и приходился двоюродным братом королю Артуру. Ассоциация героя со свиньями появляется в самом начале сказания, еще до его рождения. Во время беременности мать Килхуха, Голейтит, испытывала ужасное отвращение к этим животным. Однажды она случайно столкнулась со стадом свиней и настолько испугалась, что у нее начались преждевременные роды, и как только родился ребенок, она бросила его. Его нашел свинопас, который и назвал младенца «Бегущим кабаном», и связь Килхуха со свиньями сохранилась на всю жизнь. Он вырос и влюбился в Олвен, дочь великана по имени Исбададен. Отец Олвен выдвинул все возможные возражения против их брака и дал Килхуху несколько невыполнимых заданий. Сам факт, что ему удалось с ними справиться, доказывает его сверхчеловеческий героический статус. Ядро мифа о Килхухе и Олвен составляло самое немислимое задание Исбададена: принести ножницы, бритву и расческу, которые находились между ушей огромного вепря Турх Труита, некогда бывшего человеком и королем.

Благодаря мистической связи Килхуха со свиньями Турх был для него подходящим противником — добро против зла,

благословенный против проклятого. Само описание Турха сразу давало слушателям представление о том, что зверь явился из потустороннего мира. Не только из-за его огромных размеров, но и из-за того, что щетина вепря блестела как трепещущие серебряные крылья. Килхух заручился помощью короля Артура в этом, казалось бы, невозможном деянии. Турх был грозным противником, но добро одержало верх над злом; приборы для стрижки и расчесывания были с боем сняты с головы зверя, а сам волшебный вепрь бросился в море. Килхух использовал бритву, ножницы и расческу, чтобы привести в порядок бороду Исбададена, и получил Олвен. Килхух и Олвен поженились и жили долго и счастливо, в любви и верности, пока за ними не пришла смерть.

• МАГИЧЕСКИЕ БЫКИ •

Многим был славен Донн Куальнге: пятьдесят телок покрывал он каждый день, и еще до того же часа назавтра приносили они телят; лопалось брюхо у тех, кто не осиливал родов, ибо тяжким было для них семя Донна Куальнге. Вот и еще одно диво: пятьдесят юношей могли каждый вечер тешиться играми на его чудесной спине. Вот и другое диво: ста воинам давал он приют и защиту в своей тени от зноя и холода. Славился он и за то, что ни дух, ни призрак, ни оборотень из ущелий не смел показаться вблизи от него. Славился он и мычанием, что издавал вечерами у своего сарая, навеса и хлева — тут уж сполна наслаждался напевом всякий на севере, юге иль в центре Куальнге, когда бык мычал вечерами у своего сарая, навеса и хлева. Все это малая доля того, чем был славен Донн Куальнге.

Похищение Быка из Куальнге

Крупный рогатый скот занимал центральное место в ранне-средневековой экономике и являлся основой процветания Ирландии: коровы были мерой богатства, и статус правителя определялся количеством поголовья и великолепием его стад. Важность крупного рогатого скота в ирландском обществе оказала огромное влияние на сказание «Похищение Быка из Куальнге», где в центре повествования находятся два огромных магических быка. В начале сказания выясняется, что эти быки не были обычными животными. Бурый бык Донн был таким большим, что пятьдесят мальчиков могли танцевать на его спине. Финнбеннах («Белорогий бык») из Коннахта имел красное тело, белую голову и белые ноги; эти цвета со всей очевидностью указывают на его происхождение из потустороннего мира. Оба быка начали свою жизнь как люди-свинопасы, но были превращены в животных, сохранив способность к человеческому мышлению и языку. Их смертельная схватка, олицетворявшая противостояние двух ирландских провинций — Ульстера и Коннахта, в то же время демонстрировала их роль в плодородии родных земель, их изобилии и процветании.

Галло-британская иконография позднего железного века до пришествия римлян, а затем и римского периода, содержала

Тарбфесс

Символика быков на пластинах котла из Гундеструпа напоминает о примечательном мифологическом ирландском ритуале Тарбфесс, или «Бычий сон». Легенда была связана с королевским престолом Тары и выборами законного короля Ирландии. Быка убивали, разделывали и готовили, затем специально избранный человек съедал мясо и выпивал бульон. После еды он ложился спать. В то время как четыре друида пели над ним, он должен был получить видение, раскрывающее личность следующего законного короля.

следы древних традиций. Именно из этих глубин времени происходит мифологическая идея магического скота. Котел из Гундеструпа, вероятно, предназначался для жертвоприношения быков — по крайней мере, его декор насыщен символизмом этого ритуала. Быки воспринимались как сверхъестественные существа. В изображениях на пластинах котла они намного больше натуральной величины в сравнении с маленькими человеческими фигурами.

Древний галльский миф о быке

В 26 году н. э. Союз лодочников, которые плавали по всей Сене, поставил в Париже большой каменный столп Юпитеру. На памятнике было написано несколько имен богов, каждое из которых сопровождалось соответствующим изображением. Некоторые из этих богов были римскими, другие относились к местному пантеону. На одной из сторон есть надпись «Тарв Тригаран» — «Бык с тремя журавлями». Снизу вырезан в камне огромный бык, стоящий перед ивой. Две птицы — цапли или журавли — расположились на его спине, а еще одна — на голове. Цапли, журавли и ива связаны с водой. К той же символике жизни и расцвета относится и изображение почек на дереве. Птицы ассоциируются со скотом, поскольку кормятся паразитами на шкурах животных.

Некоторые особенности памятника наводят на мысль об утраченном мифологическом нарративе, поскольку почти идентичное изображение было найдено далеко на востоке у Трира, на реке Мозель. На обоих памятниках сцена с участием быка и трех цапель или журавлей включает и образ ивы и лесного божества. На парижском рельефе лесной человек назван по имени — Эсус. В эпической поэме «Фарсалия» (ее тема — великая гражданская война между Помпеем и Юлием Цезарем) римский поэт Лукан упоминает трех грозных галльских богов Тараниса, Тевтата и Эсуса. Почти

Рис. 49. Каменный рельеф с изображением быка по имени Тарв Тригаран и трех журавлей на памятнике в Париже, установленном Союзом лодочников в 26 году н. э.

наверняка Лукан говорил о том же Эсусе, который назван на памятнике из Парижа.

«Огненный пес» из Капел-Гармон

В конце I или в начале II века н. э. кто-то предпринял путешествие на отдаленное болото на крайнем северо-западе Уэльса, в место, известное сегодня как Капел-Гармон (часовня Гармона). Они несли с собой большой и тяжелый металлический остов для очага, украшенный головами быков, который предназначался для обжарки мяса на вертеле или просто для подвешивания посуды над огнем и приготовления пищи. Такие стояки называли «огненными собаками», их много раз находили при раскопках в Британии и Галлии. Но этот

стояк — совершенно особенный, поскольку исключительно красиво сделан, свидетельствуя о высоком мастерстве кузнечного дела, а также потому, что он, судя по всему, был «принесен в жертву».

Горизонтальная перекладина соединяет две вертикальные опоры, каждую из которых венчает голова домашнего животного. Но эти две головы не являются изображениями обыкновенных быков: это некие «барочные» существа, у них пышные гривы, как у лошадей, образованные из соединенных одиннадцати шариков. При внимательном рассмотрении стойки из Капел-Гармон выясняется, что каждая голова животного уникальна, то есть их создавали как изображения двух отдельных существ с разными «физиономиями». Описания быков в «Похищении Быка из Куальнге» во многом схожи с головами на «огненном псе» из Капел-Гармон: у них тоже были гривы и они тоже были созданиями из потустороннего мира.

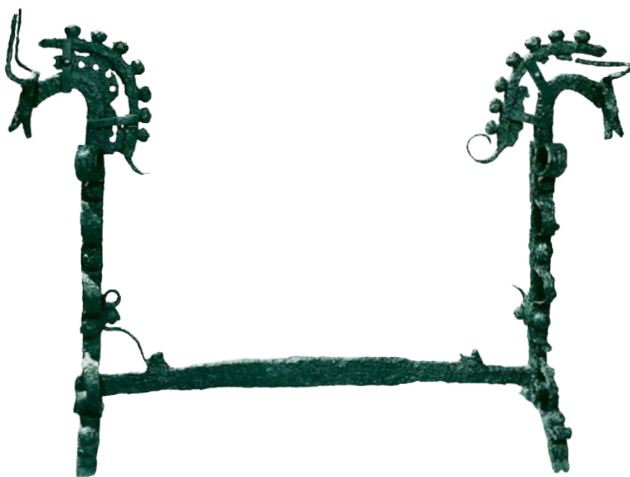

Рис. 50. «Огненный пес» железного века. Стойка для очага, декорированная головами быков с лошадиными гривами, Капел-Гармон, Северный Уэльс

Неизвестно, использовалась ли когда-либо стойка для очага, найденная в Капел-Гармон, или это была чисто ритуальная вещь. Но ее история подошла к концу, когда ее намеренно поместили в болото с большим камнем на голове каждого быка, подобно тому, как совершали древние захоронения людей в болотах. Это был очень ценный и значимый объект. Современный валлийский кузнец, который пытался воспроизвести эту стойку, признался, что производство металлических частей заняло у него целых три года. Учитывая, что такие стойки предназначались для использования в парах, их ценность с точки зрения человеческих ресурсов была огромной. Жертвоприношение такого предмета могло означать столько же, если не больше, чем человеческое. Странный облик быков с лошадиными гривами делал их фантастическим воплощением магических, потусторонних животных.

• ОРЕЛ И СОВА: ВАЛЛИЙСКИЙ МИФ О ДНЕ И НОЧИ •

Четвертая ветвь «Мабиноги» полна рассказов об оборотничестве, изменении формы. Проклятие Мата, когда он трансформировал Гвидиона и Гилвэтли, о котором шла речь ранее в этой главе, — не единственный эпизод, когда границы между людьми и животными разрушались. Подобная тема возникает и в сказании о роковом любовном треугольнике между красивой молодой девушкой Блодейвет, ее мужем Ллеу Ллау Гифесом и третьим мужчиной по имени Гронв.

Чтобы поставить эту историю в контекст, необходимо сделать краткое примечание по поводу затруднительного положения Ллеу. После изнасилования Гойвин Арианрод предложила себя в качестве новой «подставки для ног» короля Мата, но провалила испытание на девственность, родив близнецов. Именно вокруг второго ребенка разворачивается

основное повествование. Будучи опозоренной, Арианрод отвергла своего второго сына Ллеу и наложила на него три проклятия, призванных помешать ему занять полагающееся ему место в обществе.

Гвидион и его дядя Мат объединили свои магические способности, чтобы найти способ преодолеть заклятие Арианрод и обрести жену для Ллеу. Они добились этого, создав женщину из цветов — ее назвали Блодейвет. Но та завела любовника, Гронва, и вместе они решили убить ее мужа. Волшебная сущность Ллеу была раскрыта, поскольку наряду с негативными запретами, наложенными на него матерью, действовал еще один набор гейсов, предназначенный для его защиты. Он не мог быть убит ни внутри, ни снаружи дома, ни на воде, ни на земле, ни голым, ни одетым. Кроме того, Ллеу мог быть ранен только копьём, сделанным во время, когда кузнечное дело было запрещено. Все эти условия формировали границы и правила, указывавшие на глубокую связь самого Ллеу с силами потустороннего мира. Воспользовавшись хитростью, Блодейвет обманным путем выведала у Ллеу секретную формулу, с помощью которой охранявшие его заклятия могли быть преодолены, и он признался ей:

«Я скажу тебе, — ответил он. — Нужно сложить для меня баню на речном берегу, окружив котел с водой плетеной оградой и закрыв его соломенным навесом. Потом надо привести козла и поставить его у бани, и когда я поставлю одну ногу на край котла, а другую — на спину этого животного, всякий, кто застигнет меня в таком положении, может убить меня».

Мабиноги. Четвертая ветвь

Тем временем Гронв тайно трудился над созданием смертоносного копья. Наконечник он смазал ядом. И когда все было

готово, Блодейвет убедила Ллеу занять то место, где он подвергался риску, а Гронв выпрыгнул из укрытия и нанес сопернику смертельную рану.

Но вместо того чтобы упасть замертво, Ллеу издал громкий крик и улетел, превратившись в орла. Гвидион выяснил, что произошло, и проклял Блодейвет, превратив ее в сову, которая охотилась по ночам и которую — из-за ее позора — избегали все другие птицы. Затем Гвидион нашел Ллеу, спрятавшегося в ветвях дуба, и вернул ему человеческий облик. Разгневанный и обманутый муж убил Гронва и взял в свои руки власть в королевстве Гвинед.

Сложность этой истории в том, что она представляет собой скрытый миф о добре и зле. Потому что Блодейвет не была смертной женщиной из плоти и крови, она была в корне порочна, недостойна доверия и в конечном счете слишком опасна, чтобы находиться среди людей. Способный оборачиваться птицей Ллеу носил имя, означавшее «Яркий», а имя его

Рис. 51. Бронзовая фигура орла из римско-британского храма в Вудитоне, Оксфордшир

матери Арианрод означает «Серебряное колесо»; это указывает на то, что он был небесным божеством, и его убежище на дубе является дополнительным подтверждением того. В античной мифологии и орел, и дуб были связаны с главенствующим римским богом Юпитером. Валлийская легенда окрашена христианской моралью. Магические практики, такие как заклинание, создающее женщину из цветов, прямо и последовательно осуждались. Закон в итоге возобладает, свет воссияет и разгонит тьму.

Дьявол: от мифа до Таро

Кельтская мифология полна образами злых женщин с неестественной внешностью, но как обстояло дело с описаниями бесов? В современном оккультизме, представленном, в частности, картами Таро, дьявол изображается как сидящее существо — наполовину человек, наполовину рогатый козел с копытами, бородой и женской грудью. В средневековой Европе дьявола изображали с рогами и часто использовали как образец гораздо более раннюю иконографию упоминавшегося выше Кернунна. В кельтском представлении о Кернунне нет никаких намеков на то, что он воплощал темную сторону, однако его двойственность как получеловека-полуживотного в христианские времена стала ассоциироваться с категорически осуждаемыми представлениями о зоофилии, языческом хаосе. Адепты новой религии верили, что человек создан по образу и подобию Бога, а потому противоположен животным по своей природе.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

